

Т.В. Сафонова
T.V. Safonova

**ЯЗЫКОВОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ТЕМЫ ДЕТСТВА В ПОВЕСТИ
С.Т. АКСАКОВА «ДЕТСКИЕ ГОДЫ БАГРОВА-ВНУКА»**

**THE LINGUISTIC EMBODIMENT OF THE THEME OF CHILDHOOD
IN S.T. AKSAKOV'S NOVELLA "THE CHILDHOOD YEARS OF
BAGROV THE GRANDSON"**

В центре внимания автора статьи проблема языковой реализации темы детства в повести С.Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука». В ходе анализа учитывается принцип непрерывности литературного процесса, что обуславливает обращение автора статьи к вопросам развития данной темы в литературе и характеру ее раскрытия в произведениях других писателей. Поставленная проблема рассматривается комплексно – в единстве литературоведческих и лингвистических подходов. В результате исследования отмечаются наиболее важные для раскрытия темы смысловые параллели: это тесная связь образа ребенка с образами матери и отца, семьей, домом, окружающей природой. С.Т. Аксаков смещает основной повествовательный ракурс с исключительно событийного плана в психологическую сторону, акцентируя внимание на внутреннем мире ребенка. Прием психологизма базируется на изобразительных возможностях языка: автор широко использует переносный потенциал значения слов и выражений, их коннотацию, символику слова, ассоциативные связи.

Ключевые слова: языковые средства, тема детства, образ ребенка, психологизм.

The author focuses on the problem of linguistic realization of the theme of childhood in S.T. Aksakov's novella "The Childhood years of Bagrov-grandson". The analysis takes into account the principle of continuity of the literary process, which determines the author's appeal to the development of this topic in literature and the nature of its disclosure in the works of other authors. The problem is considered comprehensively – in the unity of literary and linguistic approaches. As a result of the research, the most important semantic parallels for the disclosure of the topic are noted: this is the close connection of the child's image with the images of mother and father, family, home, and surrounding nature. S.T. Aksakov shifts the main narrative perspective from an exclusively event-based plan to the psychological side, focusing on the inner world of the child. The method of psychologism is based on the pictorial possibilities of language: the author makes extensive use of the figurative potential of the meaning of words and expressions, their connotation, the symbolism of the word, associative connections

Key words: language tools, the theme of childhood, the image of a child, psychologism.

DOI: 10.24888/2079-2638-2024-63-4-59-65

Уже в фольклоре отмечается широкое обращение к теме детства. Произведения народного творчества различной жанровой направленности: сказки, потешки, пословицы и поговорки, прибаутки, песенки – ориентированы, в первую очередь, на решение дидактических задач. С их помощью старшее поколение передает свой опыт и традиции, формирует правила поведения, закладывает основы морали и нравственности.

Первые книги для детей, по сути, выполняют ту же функцию. Ради спорого младенческого научения создает И. Федоров свою «Азбуку», материалом для чтения в которой послужили молитвы и фрагменты из Библии. В 1634 году в «Азбуке» В.В. Бурцева публикуется первая детская поэма. Ее автор – справщик московского Печатного двора Савватий – призывает юных читателей быть прилежными, трудолюбивыми, послушными. Необходимо упомянуть сборник поучительных историй «Ветроград многоцветный» С. Полоцкого и «Домострой» – книгу о воспитании детей К. Истомина.

В Петровскую эпоху количество изданий для детей и юношества значительно увеличивается, более разнообразной становится и их тематика. С XVIII века тема детства и образ ребенка входят в русскую литературу и постепенно отмечаются в творчестве многих писателей в числе ведущих. Характер репрезентации данной темы определяется как ведущими тенденциями, свойственными литературе того или иного периода в целом, так и видением этой проблемы автором, его индивидуальной картиной мира. Первое и достаточно глубокое изображение психологии ребенка представлено в произведении Н.М. Карамзина «Рыцарь нашего времени». Эта книга открыла собой целый ряд произведений, сформировавших особый жанр повестей о детстве: Л.Н. Толстой «Детство», С.Т. Аксаков «Детские годы Багрова-внука», М. Горький «Детство», А.Н. Толстой «Детство Никиты», И. Шмелев «Лето Господне» и др.

Если первая половина XIX века ознаменовалась интересом к взрослению ребенка, становлению его личности, то со второй половины этого века все явственнее в развитии темы детства прослеживается социальная проблематика. Жизнь детей, полная тягот и забот, оказывается в центре внимания Ф.М. Достоевского, В.Г. Короленко, А.М. Горького и др. Настоящий расцвет литература о детях и для детей переживает в советскую эпоху: К. Чуковский, С. Маршак, Л. Кассиль, С. Михалков, А. Гайдар, А. Барто, Н. Носов, Э. Успенский, Ю. Коваль и др. Не оставляют без внимания эту тему и современные писатели: Ю. Кузнецова, Е. Русинова, Ю. Симбирская, О. Замятина и др.

Материалом для данного исследования послужила автобиографическая повесть С.Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука». В отечественной науке к настоящему времени уже накоплен определенный опыт изучения творчества С.Т. Аксакова (Сарабаш Л.Н., Семухина И.А., Прокудин Б.А., Прокудина Д.Д., Савина Л.Н., Кудряшова А.А. и др.) Рассматриваются также вопросы языка и поэтики повести «Детские годы Багрова-внука» (Савина Л.Н., Сальникова В.В.) Однако для более глубокого и разностороннего осмысления богатой, разнообразной поэтики повести данные исследования могут быть продолжены.

Наш выбор произведения в качестве материала для изучения обусловлен, с одной стороны, его сюжетом: автор изображает жизнь ребенка, которая проходит в пространстве семьи, родного дома, окружающей природы, родины, этот социально-бытовой фон влияет на становление характера Сережи, позволяет выстраивать первые важные для него связи с близкими людьми и миром в целом, в то же время весь образный и языковой строй произведения подчинен решению данной задачи. «С.Т. Аксаков подходит к изображению процесса формирования личности ребенка как естествоиспытатель и художник одновременно. Такой синтетический взгляд позволяет глубже, полнее раскрыть детскую душу. <...> Прелесть аксаковского повествования, на наш взгляд, заключается в том, что образы мира вещей, природы, семьи даны здесь в той незамутненности, какую сохраняет только детское видение» [5, 1303].

Непосредственным апеллятивом к образу ребенка является заявленное уже в названии произведения прилагательное *детский*. К нему автор обращается неоднократно в

ходе повествования, с ним же связаны однокоренные слова (*детство, дитя, по-детски*), синонимы (*ребячьи, ребенок, маленький*). В словарях данные лексемы зафиксированы в следующих основных значениях: *детский* – «1. Малолетние. 2. перен. Не свойственный взрослому, незрелый»; *дитя* – «1. Маленький ребенок»; *ребячьи* – «1. Детский, свойственный только ребенку. 2. Недостойный взрослого человека, несерьезный (неодобр.)»; *маленький* – «3. То же, что малолетний» [3]. Действительно, в характере употребления в повести отмеченных единиц прослеживается функция идентификатора возраста героя: «...рассказы эти представляют довольно полную историю дитяти, жизнь человека в детстве, детский мир»; «Несмотря на мой детский возраст, я сделался ее другом»; «Несмотря на мой ребячий возраст, я понимал...»; «старался говорить понятным языком для маленького дитяти»; «заставляющие сосредотачиваться и маленькое дитя» [1].

Если в словарях лексемы *детский, ребячий, маленький, детство* определяются как нейтральные, сложившиеся культурные установки и стереотипы обуславливают в основном их положительную оценку, то в индивидуальном речевом употреблении единицы могут менять свою коннотацию. У С.Т. Аксакова начало жизни человека тесно связано со значением прилагательного *маленький*, оно же и позволяет характеризовать этот период как время беспомощности, неспособности совершать какие-либо самостоятельные действия и принимать решения и, по сути, противопоставлено понятию «взрослый»: «Мне говорили, что этого нельзя, что я маленький»; «Я напомнил ему, как он дразнил меня, когда я был маленький», «Ты уже не маленький, ты все понимаешь» [1].

Контекстуальное окружение лексемы *дитя*, напротив, актуализирует следующие дополнительные оттенки его значения: 'наивность', 'открытость', 'доверчивость', 'бесхитрость' и др., расцениваемые как положительные качества: «Житейская мудрость не может быть понимаема дитятей; добровольные уступки несовместны с чистотой его души, и я никак не мог примириться с мыслью, что Мироныч может драться, не переставая быть добрым человеком» [1, 70]; «Конечно, мать вразумляла меня, что все это одни шутки, что за них не должно сердиться и что надобно отвечать на них шутками же; но беда состояла в том, что дитя не может ясно различать границ между шуткою и правдою [1, 114]; «О, благо тем, которые щадят, избавляют от унизительного сознания в трусости робкое сердце дитяти!» [1, 182].

Таким образом, данные ключевые единицы не ограничены исключительно функцией уточнения возраста героя. Как тонкий психолог С.Т. Аксаков, опираясь на сочетательные возможности отмеченных лексем, подчеркивает различные оттенки состояния души ребенка, делающего первые робкие шаги в познании себя и мира.

Главным человеком в жизни любого ребенка является мать. Для Сережи ее близость, поддержка, понимание очень важны, поэтому образ матери относится к числу центральных: мать закладывает основу характера героя, через отношения с ней мальчик впервые пробует выстраивать свое взаимоотношение с миром взрослых, будь то члены семьи, близкие или незнакомые люди, ее оценка поступков, слов заставляет ребенка задумываться о себе, своем состоянии, желаниях: «Постоянное присутствие матери сливается с каждым моим воспоминанием. Ее образ неразрывно соединяется с моим существованием...» [1, 23].

Характеризуя отношение матери к себе, рассказчик использует следующие определения, подчеркивающие трепетное отношение к сыну, способность на самоотречение ради ребенка: бедная, страстная, горячая. Для Сережи важно состояние матери, он весьма чутко реагирует на ее настроение, переживаемые эмоции, что подчеркивается активным использованием глаголов, в значении которых присутствуют отмеченные семы, например: «мать улыбалась», «мать улыбнулась», «мать успокоилась, развеселилась», «мать удивилась моему голосу и даже смутилась», «мать устала» [1] и др.

Постоянное присутствие рядом с матерью – жизненно важная потребность, разлука же воспринимается как трагедия. Например, так описывает рассказчик прощание с матерью и свое вынужденное пребывание без нее в Багрово: «Видя мать бледною, худую и слабою, я желал только одного, чтоб она ехала поскорее к доктору; но как только я или оставался

один, или хотя и с другими, но не видал перед собою матери, тоска от приближающейся разлуки и страх <...> овладевали мной, и мое воображение, развитое не по летам, вдруг представляло мне такие страшные картины, что я бросал все, чем тогда занимался: книжки, камешки, оставлял даже гулянье по саду и прибегал к матери как безумный, в тоске и страхе [1, 88]; «При прощанье я уже не умел совладеть с собою, и мы оба с сестрой плакали и рыдали; мать также. Когда карета съехала со двора и пропала из моих глаз, я пришел в исступление, бросился с крыльца и побежал догонять карету с криком: «Маменька, воротись!» [1, 89]; «Первые дни после отъезда отца и матери я провел в беспрестанной тоске и слезах, но мало-помалу успокоился, осмотрелся вокруг себя и устроился» [1, 92]. Можно отметить, что основными репрезентантами состояния героя здесь становятся лексемы *тоска* и *страх*, в то время как близость матери вызывает прямо противоположные чувства, что выражается антонимами *радость* и *счастье*: «Я очнулся или почувствовался уже на коленях матери, которая сидела на канаве, положив мою голову на свою грудь. Вот была радость, вот было счастье!» [1, 100].

Если связь ребенка и матери в большей степени определяет его эмоциональную сферу, то в образе отца автор отмечает его деятельностьную, созидательную составляющую: в воспоминаниях о нем наиболее значимыми оказываются его поступки по отношению к близким и в целом окружающим людям, забота об их благополучии, его увлеченность делом, хозяйская рачительность. Данные составляющие образа подчеркиваются широким обращением к глаголам со значением 'действие': «меня повел сам отец», «отец пошел рядом по дощечке», «отец мой занимался приготовлением удочек», «отец мой осведомлялся у него обо всем», «отец вышел опять на двор и приказал вывести некоторых лошадей», «отец привел меня на мельницу» и др. [1].

Не менее значимо для ребенка и ощущение дома, осознание своего присутствия в надежном и безопасном пространстве. Первым таким родным очагом становится для Сережи дом в Уфе: «Мы жили тогда в губернском городе Уфе и занимали огромный зубинский деревянный дом, купленный моим отцом, как я после узнал, с аукциона за триста рублей ассигнациями. Дом был обит тесом, но не выкрашен; он потемнел от дождей, и вся эта громада имела очень печальный вид. Дом стоял на кособоре, так что окна в сад были очень низки от земли, а окна из столовой на улицу, на противоположной стороне дома, возвышались аршина три над землей; парадное крыльцо имело более двадцати пяти ступенек, и с него была видна река Белая почти во всю свою ширину. Две детские комнаты, в которых я жил вместе с сестрой, выкрашенные по штукатурке голубым цветом, находившиеся возле спальни, выходили окошками в сад, и посаженная под ними малина росла так высоко, что на целую четверть заглядывала к нам в окна...» [1, 32]. С.Т. Аксаков редко прибегает к подробному описанию пространства, отмечая только некоторые значимые детали, позволяющие как воссоздать локус, необходимый для развития сюжета, так и передать отношение героя к этом пространству, наиболее значимыми, на наш взгляд, здесь можно считать слова и сочетания, содержащие подобную оценку. В данном отрывке отметим, например, следующие единицы: *потемнел*, *громада*, *печальный вид*, *очень неуклюжий*. Отрицательная коннотация лексем объясняется через сопоставление описания уфимского дома и Сергеевки: «Мы повернули несколько вправо и въехали в нашу усадьбу, обгороженную свежим зеленым плетнем. Усадьба состояла из двух изб: новой и старой, соединенных сенями; недалеко от них находилась людская изба, еще не покрытая; остальную часть двора занимала длинная соломенная поветь вместо сарая для кареты и вместо конюшни для лошадей; вместо крыльца к нашим сеням положены были два камня, один на другой; в новой избе не было ни дверей, ни оконных рам, а прорублены только отверстия для них. Мать была не совсем довольна и выговаривала отцу, но мне все нравилось гораздо более, чем наш городской дом в Уфе» [1, 134]. Ребенку свойственно особое восприятие окружающего мира, когда существовать не столько уют, привычный уклад жизни, сколько возможность узнавать новое, чувствовать свободу и жизнь вокруг.

При характеристике бытования семьи в Сергеевке С.Т. Аксаков использует разнообразные приемы создания идиллического хронотопа. Главу открывает развернутая метафора: «Сергеевка занимает одно из самых светлых мест в самых ранних воспоминаниях моего детства» [1, 132]. В описании внутреннего состояния героя ключевыми становятся слова и сочетания группы «положительные, приятные чувства»: «радовался спокойной радостью», «веселый праздник». Детали пейзажной зарисовки поясняют выражение «как весело»: «деревья в цвету», «жужжали целые рои пчел, ос и шмелей», «веселое пение птичек» [1, 132].

Важна в описании Сергеевки и растительная символика. Образ «огромнейшего дуба в несколько обхватов толщиной» связан с мифологическим представлением разных народов о мировом древе: «он был посажен в начале сотворения мира, стоит "на силе Божией" и держит на своих ветвях остальной мир» [2, 200].

Неподдельное удовольствие доставляет юному герою его первое увлечение – рыбалка. Нельзя не отметить лексику соответствующей группы: *щука, жерех, окунь, лец, наплавки, леса, удочка, подлецик, перегораживать плетнем, мечет икру, закидывает удочки*, что подчеркивает серьезную и вполне осознанную погруженность мальчика в процесс. Однако, на наш взгляд, здесь вновь наиболее значима для раскрытия образа героя лексика и фразеология группы «эмоции», в тексте представленная весьма разнообразно: *восклицания, детские порывы, азарт, горячность, волнение, прыгать от радости; волнение страха, надежды, охотничьей жадности; полная радость, восторг, наслаждение* и др. Все это подчеркивает естественность поведения ребенка, его живую душу, способную откликаться на новое, интересное.

Но Сергеевка не станет, к сожалению, постоянным пристанищем. Это всего лишь прекрасное воспоминание, мечта об идеальном родном гнезде, рае. Основные события, происходящие в жизни героя, связаны с усадьбой Багрово: именно здесь он впервые переживает разлуку с родителями, душевную боль от утраты близких, осознает свою связь с семьей и родом.

Необходимо отметить, что усадебный топос в произведении подвержен трансформации: чужое и даже враждебное пространство имения Багрово становится с ходом повествования в большей степени родным и близким. На первые впечатления от знакомства с новым для него миром во многом влияет ожидание предстоящей разлуки с родителями, это не может не сказаться на описании усадебного пространства. Символичны в данном случае границы усадебного дома, что подчеркивается повтором лексемы *дверь*: «...хотя от нас была дверь прямо в залу, но она была заперта на ключ и даже завешена ковром, и мы проходили через коридор, из которого тогда еще была дверь в гостиную» [1, 90]; «Оставшись одни в новом своем гнезде, мы с сестрицей принялись болтать; я сказал одни потому, что нянька опять ушла и, стоя за дверьми, опять принялась с кем-то шептаться» [1, 79]; «Я часто слышал сквозь дверь в коридоре шепот и сдержанный смех, а иногда и хохот и возню» [1, 94]; «Я даже слышал сквозь запертую и завешенную дверь сначала выразительный и явственный шепот, а потом и жаркий разговор вполголоса, причем иногда вырывались и громкие слова» [1, 101]. С одной стороны, это и граница между его детским миром и миром взрослых, для ребенка мало понятным, а иногда даже пугающим; с другой – это граница его мира как относительно безопасного в чужом и даже враждебном доме, неслучайно для номинации этого пространства автор выбирает метафору «особый мир в тесном углу нашем».

Здесь же, в доме усадьбы Багрово, мальчик впервые сталкивается с несправедливым и ранящим его делением мира на своих и чужих. Данная оппозиция прямо обозначена лексемами *свой* и *чужой*: «Хотя я не понимал тогда тайной музыки этих слов, но я тут же почувствовал что-то чужое, недоброхотное» [1, 78]; «Но дедушка возразил, и как будто с сердцем, что это все пустяки, что ведь дети не чужие и что кому же, как не родной бабушке и тетке, присмотреть за ними» [1, 87]; «Они были в доме свои» [1, 94]. Может быть выражено отмеченное противопоставление и косвенно – через единицы, ассоциативно

связанные с ключевыми словами: «У вас порядки городские, а у нас деревенские» [1, 103]; «Мы ведь люди деревенские и ваших городских порядков не знаем» [1, 78]; имплицитно – посредством композиционной антитезы: «Я очень видел, что с ними поступают совсем не так, как с нами; их и любили, и ласкали, и веселили, и угощали разными лакомствами; им даже чай наливали слаще, чем нам: я узнал это нечаянно, взявши ошибкой чашку двоюродной сестры. Девочки эти, разумеется, ни в чем не были виноваты: они чуждались нас, но, как их научили и как им приказывали, так они и обходились с нами. Я пробовал им читать, но они не хотели слушать и называли меня дьячком. Они были в доме свои: вся девичья и вся дворянка их знала и любила, и им было очень весело, а на нас никто и не смотрел» [1, 94].

По мере того как пространство обживается, меняется и отношение к Багрово: «Я не знаю, исполнились ли слова отца, стало ли веселее в Багрове? Вообще я не умею сказать: было ли мне тогда весело? Знаю только, что воспоминание об этом времени во всю мою жизнь разливало тихую радость в душе моей» [1, 282]. Этому во многом способствует знакомство Сережи с миром природы, где юного героя радует буквально все, даже невыразительный на первый взгляд сад-огород. Рассказчик в мельчайших подробностях описывает эту часть усадебного пространства: ключевое сочетание «некрасивая смесь» детализируют существительные группы «садовые растения»: белая, красная и черная смородина, яблони, огурцы, горох, бобы, редька, морковь, подсолнечник, укроп. Лишенные какого-либо красочного определения, они и составляют основу описания, завершает же эпизод авторское замечание: «Вся эта некрасивая смесь мне очень понравилась, нравится даже и теперь, и, конечно, гораздо более подстриженных липовых или березовых аллей и несчастных елок, из которых вырезают комоды, пирамиды и шары» [1, 85].

Однако по-настоящему глубокая привязанность к Багрово зародилась в душе юного героя после первой весны, которую он провел в деревне. Торжество жизни, вызванное пробуждением природы, отзывается в сердце ребенка, ожидающего чуда, самыми трепетными чувствами. Данная идея получает свою реализацию в системе развернутых сочетаний: «никогда не испытанное мною, особого рода волнение», «живое сочувствие», «горячее слово», «потрясали неведомые струны», «неизвестные томительные и сладкие чувства» и др. То, что взрослому человеку, кажется заурядным событием, герой воспринимает как волшебство. Неслучайно в описании прихода весны преобладает подчеркнутая реалистичность деталей: «почерневшие крыши и стены», «голые сучья деревьев», «мокреть и слякоть», «грязные сугробы снега», «серое небо», «грязные проталины», «вода между капустными грядками» [1, 271–272]. Отсутствие каких-либо приемов поэтизации компенсируется олицетворяющей метафорой: «Все замечалось мною точно и внимательно, и каждый шаг весны торжествовался, как победа!» [1, 272].

Идея тесной близости мира ребенка и мира природы прослеживается на протяжении всего повествования, с ней же связан еще один традиционный для русской литературы мотив пути. Образ дороги, пути – весьма многозначный символ, нашедший свое широкое распространение во множестве культур. В целом его интерпретация сводится к следующему: «Путь – это прежде всего символ образа жизни и судьбы человека. Символический путь наделяется и пространственным, и временным изменением состояния: герой приобретает что-то новое либо восполняет утраченное. <...> Неотъемлемыми атрибутами пути являются препятствия (требующие концентрации воли и духовных сил) и перепутья (актуализирующие свободу выбора). Путь в этом смысле – это всегда путь к центру, к высшим ценностям» [4, 346].

Для главного героя произведения С.Т. Аксакова путь и есть сама жизнь. Неслучайно повествование открывает эпизод о первом путешествии мальчика: дорога становится тем переломным моментом, когда долга мучающая ребенка болезнь наконец отступает: «Чудное целительное действие дороги не подлежит сомнению. Я знал многих людей, от которых отступались доктора, обязанных ей своим выздоровлением. Я считаю также, что двенадцатичасовое лежанье в траве на лесной поляне дало первый благотворный толчок

моему расслабленному телесному организму. Не один раз я слышал от матери, что именно с этого времени сделалась маленькая перемена к лучшему» [1, 31]. С тех пор герой испытывает особое удовольствие, отправляясь в дорогу, если с ней связаны новые впечатления от познания такого необъятного мира и ощущение внешней и внутренней свободы: «Видно, дорога и произведенный движением спокойный сон подкрепили меня; мне стало хорошо и весело, так что я несколько минут с любопытством и удовольствием рассматривал сквозь полог окружающие меня новые предметы» [1, 24]; «Сначала дорога шла лесистой уремой; огромные дубы, вязы и осокори поражали меня своею громадною, и я беспрестанно вскрикивал: «Ах, какое дерево! Как оно называется?» Отец удовлетворял моему любопытству; дорога была песчана, мы ехали шагом, люди шли пешком; они срывали мне листья и ветки с разных деревьев и подавали в карету, и я с большим удовольствием рассматривал и замечал их особенности» [1, 42]. Но нередко дорога для юного героя означает и разного рода испытания, препятствия и даже лишения: «Эта дорога, продолжавшаяся почти двое суток, оставила во мне самое тягостное и неприятное воспоминание» [1, 166]; «Кроме нескольких дней простоя в этих деревнях, мы ехали с лишком восемь дней. Такой тягостной, мучительной дороги я до сих пор и не испытывал. Снега были страшные и – ежедневный буран; дороги иногда и следочка не было, и в некоторых местах не могли мы обойтись без проводников» [1, 264].

Таким образом, опираясь на возможности языковой системы, С.Т. Аксаков внешний, событийный план использует в большей степени в качестве фона и смещает фокус основного повествования в сторону внутреннего мира ребенка, сосредотачивает внимание читателя на становлении личности героя. Реализации психологического приема в создании образа юного героя особое значение приобретают слова и выражения тематической группы «эмоции, чувства», переносный потенциал значения отдельных лексических единиц, символика слова, ассоциативные связи.

1. Аксаков С.Т. *Детские годы Багрова-внука, служащие продолжением «Семейной хроники»*. М., 2022.

2. Берегова О. *Символы славян*. СПб., 2013.

3. Роголевич Н.Н. *Словарь символов и знаков*. Минск, 2004.

4. Ожегов С.И. *Толковый словарь русского языка*. М., 2018.

5. Сальникова В.В. *Репрезентация языковой картины мира ребенка в автобиографических произведениях русских писателей (на материале повести С.Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука»)* // *Вестник Башкирск. ун-та*. 2011. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reprezentatsiya-yazykovoy-kartiny-mira-rebenka-v-avtobiograficheskikh-proizvedeniyah-russkikh-pisateley-na-materiale-povesti-s-t-aksakova> (дата обращения: 30.11.2024).